

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

ПОВЕСТЬ О КАПИТАНЕ КОБЫЛКИНЕ
*Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I **

**29. «Первый капитан (капитан первой роты) Преображенского полка Пётр Алексеев»,
т. е. царь Пётр I [7–31 ? января 1697] – Тимофей Евтифиев сын Кобылкин**

Второй из лжепетров был российским подданным, православным и, видимо, русским. Он был сыном посадского человека и родился в Торопце не позднее 1667 года. О его тамошней жизни прямых сведений нет. Можно лишь полагать, что на родине он прожил не менее 20 лет, там начал торговать и женился. Примерно в середине 1687 года Тимофей вместе с женой, а также, видимо, со своей сестрой перебрался в Москву. Здесь он записался в посад и стал торговым человеком – тяглецом Устюжской полусотни. По всей видимости, его родители к этому времени уже умерли. Судя по косвенным данным, в столице у него родились дети. Известно, что он был высокого роста, умел читать и писать по-русски.

Судя по всему, он был зажиточным человеком. Во-первых, жил своим двором, который располагался на территории Устюжской полусотни, а именно в Земляном городе на Козьем болоте – за Никитскими воротами в приходе церкви Спиридона Чудотворца на Спиридоньевской улице. В марте 1697 года его двор со всеми постройками был оценён в довольно большую по тем временам сумму – 31 рубль. Основную ценность представляли «горница на жилом подклете», «погреб дубовой с напогребницею», «сушило на столбах с перилами, баня с передбанником» и колодец. Во-вторых, у Тимофея и его жены к 1697 году было немало и движимого имущества – серебряных украшений, оловянной и медной посуды, разных тканей, верхней одежды (например, кафтан и две «телогреи» с серебряными пуговицами, шесть шуб, два «треуха – куней да соболей, верхи бархатные»). Наконец, у них водились и довольно крупные суммы наличных денег – десятки и даже сотни рублей.

Да это и немудрено – Кобылкин весьма активно занимался торговлей. В Москве у него была «наёмная лавка», и к 1697 году в ней хранилось товаров на сумму не менее 100 рублей. Также, судя по всему, он регулярно отправлялся в торговые поездки – и по России, и за

* Продолжение. Начало см.: Родина. 2006. № 6–10, 12.

границу (скорее всего, в Речь Посполитую и Лифляндию).

Впрочем, жизнь Тимофея была далеко не безоблачна. Прежде всего её омрачал один из соседей – «Устюжские полусотни Скорнячного ряду торговый человек Мишка Семёнов сын прозвище Казанец». Не позднее лета 1693 года Михаил поступил в услужение к Кобылкину на 5 лет, но не ужился с ним и ушёл раньше срока. Вот как об этом вспоминал Тимофей: «Михайло Семёнов пошёл ко мне... в годы своею волею и дал мне на себя запись жилую на пят лет... Жил у меня в доме и всякую работу делал. И живучи у меня, бил меня... и женишку мою до крови, и тому бою – записка в Земском приказе. А после того бою пожив малое время, от меня отбился промыслом своим. И тое жилую запись положил я тое ж Устюжские полусотни Ивану Матвееву. И он, Иван, ему, Михайлу, дружа и наровя, тое жилую запись выкрал. А жил он, Михайла, у меня два годы без дву месяцев».

Помимо тяжбы с Казанцем в Земском приказе, у Кобылкина было ещё какое-то дело в Разрядном (судном) Патриаршем приказе, которое в сентябре 1695 года решилось, видимо, не в его пользу – из-за того, что «он, Тимошка, в Патриарше розряде по делу просрочился, будучи в... безумии».

1 августа 1695 года Кобылкин вернулся с Макарьевской ярмарки (она проводилась на Волге близ Макарьева Желтоводского монастыря), оформил привезённые товары в таможене и положил на хранение в амбар на старом гостином дворе. И тут его поразила «забытная болезнь». Целых два месяца он «ходил без ума», и об этом знали «все соседи и Скорнячного ряду торговые люди». 6 августа его отвели в церковь Никиты Христова Мученика, что за Язую, дабы вразумить с помощью «молебнаго пения», и там он, хотя был скован, «образ Василия Блаженнаго розбил». На него махнули рукой и отпустили.

Вечером 8 сентября Тимофей шёл мимо двора своего недруга – Казанца и был жестоко избит. Михаил с двумя подручными ему «голову проломили до мозгу, глаза поотбили, руку перешибли». Он остался лежать на земле и «в то время рудою (кровью. – *О. У.*) изашёл». Хорошо, что соседи дали знать его родным, и ему помогли добраться до дома его жена и сестра. Наутро Тимофей «на извошщике приволокся к Земскому приказу – бой и увечье записал, и в Стрелецком приказе записал и боярину князь Ивану Борисовичу Троекурову с товарисчи бил челом». Началось дознание и следствие, однако наш герой «пос[ле] того бою-увечья, поволочая по приказам, и болши того абезумился – и платье с себя раздавал, и денги... роздовал...» Жена его «с приятели своими» Тимофея «сковала» и заперла в доме. Его исповедал и причастил духовный отец – приходский священник Пётр Васильев, но это не помогло. Тогда жена за 30 рублей наняла в Патриаршей слободке лекаря Лариона Яковлева, который «от тое скорби забытныя» лечил Кобылкина до 1 октября. Благодаря этому или сам по себе, но Тимофей пришёл в норму.

Судя по всему, он примирился с Казанцем. Потом занял деньги у купца Гостиной сотни Ефрема Тимофеева сына Бокова, купил на них селитры, но долг отдать не успел, ибо 21 ноября 1696 года отправился в Торопец. Перед отъездом он оставил свою лавку под присмотр Казанцу «и ключь лавки своя ему, Михайлу, оставил для пожарного времени (на случай пожара. – *О. У.*), а лавка была с товаром замкнута и запечатана, а ходит в лавку без себя не велел».

«...Поехал он, Тимошка, с Москвы в Торопец один по обещанию своему Богу молитца, потому что... была на нём забытная болезнь, а не для торговаго промыслу». Тем не менее на всякий случай он взял с собою «двесте тарелей» (талеров*). Путь занял примерно 9–10 дней.

На родине Тимофей прожил неделю «у дяди своего родного у торопчанина посацкого человека у таможенного... головы у Ивашка прозвище Кабылкина». За это время он сделал вклад «по [о]бесчанию своему на поминовение родителе своих в монастыр Чудотворцу Николе». Но большую часть времени отняла мирская суета – он пытался получить с местных должников деньги и обращался за помощью к властям: «челобитье и приставство о долгах ево, Тимошкино, в приказной избе было», кроме того, он встречался и с торопецким воеводой.

Натура торговца скоро взяла своё. Примерно 7 декабря 1696 года Кобылкин вместе с компаньоном-торопчанином предпринял поездку за хлебом в Речь Посполитую, правда, её пришлось прекратить на полпути. Об этом он позднее рассказывал так: «Да сложился я торговат с Григорьем Туфоновым, и поположил своих денег два ста тарелей, [да] дал на себя росписку своя руки в заёмных денгах. И поехали с ним, Григорьем, за полской рубеж и доехали до Рудни**. И он, Григорей, со мною не поехал за дороговью хлеба и меня... отворотил, а сам поехал к Невлю***. А я поехал в Торопец».

Неудача Тимофея не остановила. Примерно 13–14 декабря вместе с новым компаньоном, тоже из торопецких посадских людей – Никифором Яковлевым сыном Туфановым, он приготовился к новой торговой поездке – уже в Лифляндию (тогда она была частью Шведского королевства). Придя к Никифору «по прежнему по знакомству», он сообщил, что

в Москве продуктовые товары поднялись в цене, «и звал его в Ригу для товаров». Они договорились торговать в складчину, при этом заняли 440 рублей у местного посадского человека Тимофея Иванова сына Боткина. Поучили они и проездной документ: «И он, Никифор, у городе Торопце у столника и воеводы Василия Ивановича Довыдова взял лист проезжей».

Их путь по российской территории лежал через Пусторжевский уезд, Псков и Печоры. До Риги они добрались примерно 24 декабря «в добром здоровье». Там накупили «товару овощного» (рейнского вина, сахару, имбиря, перца) на несколько возов. 25 декабря они устроили себе экскурсию: «И в Рождество Христово езд[ли] с ним, Никифором, на моря смотрет кораблей и видели тридцат сем кораблей». Наутро Кобылкин и Туфанов покинули Ригу. В ночь на 27 декабря Тимофей обзавёлся то ли слугой, то ли приёмным сыном. Вот что он вспоминал: «Отъехали от Риги и стали ночеват у кобаке. И тут я... взял сиротинку за сына». Это был мальчик-латыш лет двенадцати по имени Яков или Томас.

1 января 1697 года, уже недалеко от границы с Россией, компаньоны дважды подверглись нападению разбойников. Дадим опять слово Кобылкину: «Не даезждая рубежа вёрст за тридцат поутру рано у деревни, а прозвания не знаю, на празник Василия Кисартцкого (Кесарийского. – *О. У.*), и мужики у нас воз пограбили, и мы тех возов не дали, и с ними билися, и возы свои от них отбили, и, запрякши, поехали». Но спустя некоторое время обоз вновь попал в засаду: «И наскочили, а не мужики, на меня с кольем, и ударили меня колом по руки, и руку мне переломили, извожчика Ивана Селетцкого прибили, и воз у нас пограбили, и коней на панской двор отвели. И мы с ним, Никифором, на панско[й] двор ходили и били челом немчину... што нас пограбили. И немец нам сказывал, что "у меня руския люди украли [и]з-за рубежа трёх быков, и я де посылал у погоню своих десяти мужиков, и тех де мужиков за руским рубежом перехватили и перевязали и свезли их во Псков... и я де ездил би[ть] челом, и мужиков де моих не отпустили... Я де им сказывал, что буду грабить русских людей, коли моих мужиков не отпускаете". И мы ему сказывали, что мы не псковичи, ни печерены, мы де с Москвы торговые люди, и лист государьской проезжей показывали. И он, немчин, велел нам коней и возы отдат, и дал нам авса и сена и хлеба

* Талер – большая серебряная монета, имевшая широкое хождение в Европе за пределами России; в конце XVII в. её вес был около 28 г, поэтому её фактическая стоимость равнялась 64 копейкам (Зварич В. В. Нумизматический словарь. Львов, 1980. С. 147, 163–164).

** Рудня – местечко близ реки Березины в окрестностях Орши.

*** Невель перешёл от России к Речи Посполитой в 1678 г.

на дорогу, и поил нас вином и пивом... И от[то]ль поехали».

Вечером 1 января под Печорами в селе Таилове Тимофей окрестил своего «немчинка». Обряд совершил местный поп Захарий в церкви Николая Чудотворца. Мальчик был наречён Василием. Восприемником был сам Кобылкин, а «кумой» – местная жительница. У неё дома потом всю ночь была попойка с участием попа, попадьи, дьячков и пономаря.

Наутро компаньоны возобновили путь. По дороге они остановились у Псково-Печорского Успенского монастыря, в котором Тимофей заказал молебен в честь Богородицы. Потом он поссорился с компаньоном: «И будучи де у Печерского монастыря, он, Тимошка, с... Микифорком побранился и учал за то на него грозитца всяким дурным, да на него ж, ругаючис, водою лил. И побраняс, поехал один на серой своей лошади, а пожытки [и] крещёного ж с собою взял». Никифор же «был у Печерского монастыря четыре дни, и в то де время атдала ему баба зарубежная чюхонка (эстонка. – *О. У.*) сына своего лет в шесть, и он де того малчика крестил же [в] церкви Николая Чудотворца, имя ему Феофилий».

3 января Кобылкин прибыл во Псков. Ночевал он вне города, и рано утром направился в Торопец. По пути украл шесть икон в придорожной часовне у деревни Моршавичи. В ночь на 6 января примерно в 100 верстах от Пскова, на территории Выборского* уезда Тимофей вновь стал жертвой разбойников. Только он стал на ночлег у крестьянина в деревне Черех близ одноимённой реки, как местные мужики за ним «пригналися». Во время схватки, по его словам, ему руку сломали и лошадь «прибили». Его связали, избили и отобрали иконы, наличные деньги (рубля три), ружьё, «бердыш, да шпагу, да рубашку, да портки, да штаны». Кобылкина хотели утопить, но он каким-то образом «отпросился», и его отпустили, вернув часть вещей, лошадь и сани. Ещё «до света» он со своим крестником отправился к Выбору.

Но тут на него что-то нашло. Он потом вспоминал: «Отъехал версты з две – и против стоит близ дороги баня, а позади бани речка, и я стал на речки без ума, и с себя платье снял, и стал наг, и с того своего кресника платье снял же, и поставил нага и боса, и пехнул ево в баню, а сам на себя на голое тело надел шубу да ковтан, а тут всё пометал – и полсть, и шубу, и полуковтанье, и войлук, и подушку, и рубашку, и кресника своего...» Он даже палашом отсёк уши у лошади. Затем поехал «один на серой лошади в саях в белом кафтане простого сукна с прошвами без рубашки и бес порток наг».

На дороге ему встретился пристав псковской Золотой палаты Щетинин, который выслушал его жалобы и поехал далее. Кобылкин же вечером 6 января добрался до Выбора, где местному стрелецкому голове донёс на разбойников. Голова – очевидно, в честь праздника Богоявления – накормил Тимофея и «напоил допьяна». После этого прямо ночью Кобылкин продолжил путь.

Утром 7 января он оказался в селе Ругодово Пусторжевского уезда. Оно принадлежало помещику Ивану Васильеву сыну Шушарину. Тут и состоялось «проявление» лжецаря. Остановившись у местного крестьянина, дабы покормить лошадь, он попросил дать весть о нём помещику. Крестьянин выполнил просьбу. Шушарин «конём приехал и асмотрел» пришельца. Тот «являл ему, Ивану, что де пограбили ево в Выборском уезде в Котелинской губе неведомые воры... и просил у него, Ивана, рубашки да портков, чем бы ему одетце». На вопрос, кто он таков, откуда и куда едет, Кобылкин отвечал, «что де он – Преображенского полку капитан, Петром зовут Алексеев, ездил де он по указу великого государя за свейской (шведский. – *О. У.*) рубеж...». Шушарин, скорее всего, поверил этому, ибо велел привести местного попа Ефрема, а пока того ждали, приказал окровавленного самозванца вымыть в бане. Когда это было исполнено, дворянин ему «дал рубаху и портки, и к себе в дом отвёз, напоил и накормил».

В усадьбе Кобылкин перед помещиком и, видимо, попом Ефремом, повторно объявил: «Я – капитан первой Преображенского полку Пётр Алексеев». Потом добавил, что «по указу де великого государя посылан он был в Ригу для осмотра карабелного строения. И будучи в Риге вместе с Микифором Туфановым, взяли немец двоих ребяток и, едучи из Риги, тех ребят крестили: первого крестил в Печерском монастыре Микифорко Туфанов, другого крестил тот вор в другом монастыре под Печерами. И тот де вор с своим крещёным иноземцом, покиня Микифорку, поехал к Москве, а Микифорка де остался на дороге. А как де того вора на дороге били, и того де ево кресника отбили. И тот де вор тужил по тому креснику своему, а говорил: "Вёз де я того немчина для учения царевича Алексея Петровича, что он умел по-немецки и по-латыни и по-русски"». Затем лжемонарх подарил помещику две иконы – Богородицы и Николая Чудотворца и в ответ получил «на дорогу хлеба, и пирогов, и вина, и пива».

Перед отъездом Тимофей сказал гостеприимному хозяину, чтобы тот, если будет в столице, искал его в селе Преображенском. Он даже написал «письмо, где ево сыскат на Москве». Вот оно: «205-го году и ануврия в 7 де[нь]. Спросит на Москве у приходе церкви Спиридона болшия горницы у Земляного города красных окошек»; на обороте: «А спросить церковного сторожа Ивана Алексеева» (Кобылкин указал свой настоящий адрес!). Правда,

это письмо он почему-то велел отвезти во Псков и отдать приставу Щетинину, а сам тем временем покинул усадьбу.

Вторично в своей мифической ипостаси Тимофей предстал перед пусторжевским помещиком Кузьмой Михайловым сыном Горяиновым. Утром 8 января псевдогосударь приехал в деревню Стругу и остановился у крестьянина Петра Наумова. Не представившись, он спросил у Петра имя его господина и послал его к помещику, чтобы тот «приехал к нему для

* Выбор – уездный городок, подчинённый Пскову.

повидания. И он де, Кузма, по тому крестьянина своего... зву приехал...». Тимофей «сказал ему, Кузме, что он с Москвы – Преображенского полку копитан Пётр Алексеев, а послан он, Пётр, по указу великого государя за рубеж в Ригу для покупок, да с ним ж де ездили торопчанин Никифор Туфанов, а тот де Никифор едет за ним, Петром, с покупкою назад».

Помещик поверил проходимцу: «принял де он, Куземка, ево, Тимошку, что он назвался капитаном Петром Алексеевым, за государева имя – чаял, что подлинно сам государь, потому что он, Куземка, государя в лицо не видывал». Он пригласил самозванца к себе домой – в сельцо Кузино. Там Кобылкин «стал Христа славит[ь]» – петь колядные песни. Затем он выпросил у хозяина штаны из козлиной кожи и попросил благословить его иконою. «И он де, Кузма, по тому ево упрощению благословил... иконою – написан святой Кирик, положен серебряным окладом». Эта икона была затем подарена самозванцу, который почему-то принял её за образ царевича Дмитрия. В ответ Кобылкин подарил икону Николая Угодника, сообщив, что она чудотворная («явленная»). Пока хозяин его поил и кормил, Тимофей поведал о поездке в Ригу с Туфановым и крещении малолетних «немцев», одного из которых он якобы вёз для царевича Алексея, вспомнил о том, что в Печорском монастыре «заставлявал молебное пение Пресвятей Богородицы», рассказал о грабеже на реке Черехе и гостевании у Шушарина, который «дал ему портки да рубашку». Воскликнув: «Нашёл де тебя Бог, что я к тебе приехал, и сыскивай де ты меня на Москве», Тимофей вновь сообщил, что искать его нужно в с. Преображенском. Расчувствовавшийся хозяин пожаловался ему на псковского воеводу Ивана Степановича Салтыкова. Тогда хмельной лжегосударь, не говоря ничего Горяинову, но в его присутствии написал воеводе гневное письмо, «зашил зашивкою бумажною и велел ему, Кузме, то письмо подать во Пскове».

Ближе к вечеру 8 января Кобылкин покинул Кузино и поехал «болшою дорогою к Торопцу». До истечения дня он посетил в сельце Сумароково дом пусторжевского дворянина Андрея Иванова сына Юшкова. Тот был в отъезде, и самозванец имел дело с помещицей – Агриппиной Кондратьевой дочерью. Узнав, что хозяин во Пскове, «он сказывался Преображенского полку капитаном Петром Алексеевым». Очевидно, она поверила ему, «напоила и накормила».

Помещица потом вспоминала, что он «спрашивал у дворовых её жонок чернил. И те де жонки её тому человеку сказали, что де чернил у них нет. И тот де человек, взяв с потолка сажи, зделал чернил, и, сыскав у себя бумаги, писал незнаемо что в хоромех её, и, написав письмо, зашил бумажною зашивкою. И то де письмо отдал ей, Агриппины, и велел ей то письмо отослат х Кузме Михайлову сыну Горяинову в усадбу ево». При этом «сказал он ей, что на Москве де за етое грамотку дали бь де и сто рублёв». В письме «Преображенского полку копитан Петрушка Алексеев» на чём свет клял местную власть: «И вы, воеводы – несытыя гортани, и адовы челюсти, и земная пропасть, адава челясть, земная кросата, женская сухота, телесная слабость, прокляпая ярость, пёсьи губы, кровавые уста, на нош садися... остры, садись на копьё булатное... А будет ты не розыщещ в правду, то тебе будет топор, да

плаха, да острая сабля». На сложенном письме были приписки: «Отдат в городе Пскове прис[т]аву Золотыя полаты Счетинину»; «Отдат во Пскове старому под[ъ]ячему у приказе чест, а тебе бы при воеводе у приказу прочест всё вслух».

В ночь на 9 января мнимый царь поехал к Торопцу. В селе Мариничи Пусторжевского уезда он «посулил ризы» местному священнику и заставил его отслужить молебен «про государево здоровье», причём и сам он «пел в церкви молебен». Вечером 10 января всё в том же Пусторжевском уезде у Тимофея пала лошадь. Оставив сани, он пешком добрался до деревни Дорошкин Бор, принадлежавшей мелкому служилому человеку («сыну боярскому») Алексею Фёдорову сыну Сумарокову. Здесь у самозванца был знакомый – Алексей Кузьмин, в доме которого он и Туфанов ночевали по пути в Ригу. Несмотря на ночь, крестьянин со своими сыновьями «ездили и привезли хомут, и сани, и лошет мёртвую. И было в санех вино и пиво, и стали пит», а потом легли спать.

На следствии дети боярские братья Сумароковы утверждали, что за государя пришельца не принимали. Возможно, так оно и было, но в то же время они его не схватили и властям не выдали. Наоборот, Алексей «позвал к себе того вора в дом обедать, и тот де вор у него обедал». Его брат Михаил потом говорил, что его брат привечал Кобылкина из жалости к нему как жертве разбоя. Но гость опять «назывался Преображенского полку капитаном Петром Алексеевым», и вновь это ему сошло с рук. Более того, когда его напоили и накормили, Алексей «давал ему лошад, на чём ему ехат к Москве, и на харч ему... денги. И тот де вор лошади и денег у него не взял, а сказал ему, что у него на Москве денег много... И от Алексея де тот вор пошел пеш...». Как видим, самозванец настолько вошёл в роль, что стал отказываться от подарков. В самом деле, царю подобает самому одаривать, а не зависеть от подданных. Только лжемонарх не учёл, что помещики желали подстраховаться и на всякий случай облагодетельствовать его.

Итак, Лжепётр пешком вернулся в Дорошкин Бор «и нанял мужика весть в Торопец, и послал по сани да по хомут. И помещик вести не велел». Тогда Кобылкин добрёл до деревни Кузьминой, принадлежавшей всё тому же Алексею Сумарокову, и стал «нанимать подводу». Но местные мужики – видимо, по господскому приказу – его схватили, связали и привезли к землевладельцу. Тот оставил самозванца у себя ночевать. Тут усадьбу посетили проезжие торопчане и на вопрос хозяина, знаком ли им гость, сообщили: «Мы ево знаем, что с Москвы подлова человек». Непонятно, о чём думал сын боярский, но он отпустил Тимофея. Тот в Кузьминой нанял крестьянина, который наконец и отвёз его в Торопец.

Там самозванец провёл дней шесть. Дяде своему он рассказал только то, что с Туфановым «в Риге был и, покинув ево, Микифорка, поехал наперёд, и на дороге де ево, Тимошку, били и руку переломили; да у него ж де лошед шерстью сера в дороге пала, и доехал на наёмной лошади...» Его поведение было уже не преступным, но всё же аморальным: «А живучи де он, Тимошка, в Торопце, пил и бражничал и бродил по улицам развратным обычаем». Дня через четыре после его приезда прибыл в город и Туфанов, однако «с ним, Тимошкою, сообщения не имел и в дому ево не бывал для того, что у него учалас с ним недружба». Никифор даже подал жалобу, обвинив компаньона в словесном оскорблении («похвалке»), в том, что Тимофей дорогою «неподобныя дела чинил и неистовыя и непристойныя слова говорил», а также в нанесении ущерба («пограбе»): дело в том, что с купленного сообща за рубежом товара «указную пошлину в Торопце в томожне» заплатил Никифор единолично.

И всё же главная опасность поджидала Тимофея с другой стороны. 14 января дошли до адресата письма, написанные им псковскому воеводе. Последний сразу начал следствие и поиски самозванца. Полковник псковских стрельцов И. М. Кокошкин отправился к реке Черехе, а его племянник и подполковник И. А. Кокошкин с десятком стрельцов был послан в погоню за Лжепетром к Торопцу.

Но в это время самозванец был уже далеко. Когда он пропил последние деньги, дядя нанял для него ямщика до Москвы, при этом «денег на дорогу не дал», а ямщику наказал следить за Тимофеем, чтобы тот «вина не пил». Наказ был исполнен. Примерно 17 января Кобылкин покинул родной город.

Псковские сыщики прибыли в Торопец 18-го утром. Сначала они оповестили о самованце приехавшего из Москвы «для

[с. 37]

осмотру и переписки» служилых людей Афанасия Фёдоровича Шаховского, а потом и воеводу Василия Иванова сына Давыдова. Был извещён и голова местных стрельцов Брылкин. И тут начались активные поиски лжемонарха. Вечером 20 января Шаховской узнал от Якова Туфанова (отца Никифора) настоящие имя и фамилию Лжепетра и то, что он «москвитин». Без промедления к Москве был послан Брылкин.

Виновник переполоха прибыл в столицу 23 января и решил начать новую жизнь: «абесчался вина не пит до смерти». Следующий день был воскресным, и самозванец присутствовал «у заутрени» в приходской церкви. Потом рассказал соседям, что «ездил де он в Торопец и во Псковской Печерской монастырь богу молитца и был у четырёх смертей, переломили де ему руку и ногу, а у каких смертей и кто ево бил, про то он до времени не скажет. И после де обедни звал он, Тимошка, к себе той церкви священников молебна петь... И молебен де у него пели и обедали...» При этом по его заказу к нему в дом принесли иконы Богородицы, Спиридона Чудотворца и Василия Блаженного.

Четыре следующих дня Тимофей провёл в своей лавке. Он обнаружил, что за время его отсутствия Казанец «печать снимал и товар и[з] лавки продавал», причём убытки составили не менее 100 рублей.

28 января Брылкин прибыл в село Преображенское и донёс на Кобылкина, указав его настоящие имя, фамилию и адрес. Тут же за «вором» послали поручика и солдат, но те схватили только его жену, поскольку самого Лжепетра не было дома. У его двора оставили «караульщиков», а соседям, не говоря о вине Кобылкина, велели его задержать и передать властям. Но самозванца, когда он вечером из лавки ехал домой, наоборот, предупредили об опасности. О дальнейшем он вспоминал так: «И я... на дворишко свой итит не посмел, и проехал мимо двора своего, и ночевал на улице пустой. А заутрени был у Трифона Мученика. А на другую ноч также на улице аначевал, а был у заутрени у Трёх Святителей на Окулишках, да у Микити Мученика, да у Таганных ворот у Земленого города молебен служил. Да и поехал в Преображенской на съездую избу, и челобитную написал, и там князя Фёдора Юрьевича (Ромодановского. – О. У.) не сыскал, и пришёл на Посолской двор, и тут не сыскал. И ходил в Розбойной приказ, и подавал челобитную, и тут у меня не приняли. И я ходил в Стрелецкой приказ, и там боярина не застал, и по знакомству сошёлся с человеком – и сказал, что «твоя жена де сидит на Посолском дворе». И я купил фунт икры да колачей на копейку, да и пошёл сам, и женишку свою сыскал, и сказал служивым, что женишко моя. И меня взяли и посадили за кораул».

Это случилось 30 января. Но вряд ли Тимофей сдался добровольно. Официальная запись гласит, что его привёл на Посольский двор Казанец, поведавший, что «поймал ево, Тимошку, он, Мишка, в Стрелецком приказе сего числа, а в том де приказе был он, Тимошка, с челобитною». В тот же день Казанец привёл к самозванцу его кредитора – Е. Т. Бокова со свидетелем и сообщил Тимофею, что деньги, вырученные от продажи его товаров, пошли на оплату его же долга Бокову.

Вероятно, уже на следующий день его переправили в с. Преображенское и подвергли допросу. На нём лжегосударь перемежал правду и ложь. С одной стороны, сообщил кое-какие реальные факты о жизни в Москве и поездке в Торопец и обратно. С другой стороны, заявил, что в Ригу не ездил, «немчиков» не привозил, государем не назывался, писем никаких не писал, у дворян в домах не бывал и в дороге у него лошади не умирали. Вскоре подал челобитную с описанием всех обид и убытков, причиной которых был злодей Казанец.

Этого Тимофею показалось мало, и 20 февраля он попросил записать новую жалобу на Казанца и сумму своих убытков.

23 февраля «в застенке на пытке» он всё же повинился в самозванстве, правда, частично – вспомнил только о встрече с Горяиновым. Потом на бумаге описал свою жизнь с 1 августа 1695 года, но ни словом не упомянул, что выдавал себя за Петра I. Он упирал на то, что по пути из Пскова в Торопец был «в беспамятстве», да и теперь находится «не в совершенном разуме». Окончательно свою вину Тимофей признал 15 марта «в застенке у пытки и с подъёму».

Приговор был вынесен 17 марта: «во Пскове на площади в торговой ден при многих грацких и уездных людех казнить ево смертью – отсечь голову». Наказанию подлежал и Горяинов, которого должны были «бить кнутом нещадно и свободить». 18 марта лжемонарха повезли во Псков с повелением тамошнему воеводе, чтобы он «того вора велел исповедать отцу духовному и причастить святых тайн и посадить ево в покоянную дни на три или два». Кобылкин прибыл во Псков 30 марта, а 1 апреля был казнён. Пострадала и его семья – указом от 19 апреля двор и все «пожитки» самозванца были отданы Брылкину по его прошению.

Но осталась память о самозванце – в виде слухов и толков. Уже в январе 1697 года «в народе во Пскове и в Торопце велми тужили – чаяли то, что великий государь сам в тех местех бит и изранен...»

Источники

РГАДА. Ф. 146. Оп. 1. Д. 17; Ф. 210. Оп. 12 (Столбцы Белгородского стола). Д. 1613. Л. 255–263; Ф. 371. Оп. 2. Д. 482, 530.

Литература

Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М. 2000. С. 128–134.

Соловьёв С. М. Соч.: В 18 кн. М. 1991. Кн. 7. С. 563.

Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М. 1967. С. 113.